

КУЛЬТУРА

А.Я. ФЛИЕР

Культура как фактор национальной безопасности

В перечне проблем национальной безопасности современной РОССИИ первое место занимают угрозы внутреннего характера: региональный сепаратизм, национальный, религиозный и социальный экстремизм, масштабная криминализация экономики и некоторых других высокодоходных сфер деятельности, "просачивание" криминальных элементов в правящие элиты страны и т.п. Одна из характерных особенностей этих нарастающих угроз - то, что помимо углубления "специализированности" такого рода проявлений, "узкой профессионализации" террористов, заказных киллеров, социальных провокаторов (что вполне типично для современного мира) в России наблюдается широкая "массовизация" разнообразных форм антисоциального или социально-деструктивного поведения - рост количества и численности разного рода экстремистских организаций, квазирелигиозных сект, национально-сепаратистских движений, негосударственных военизированных структур, паранаучных обществ и "академий" и т.п. Страну охватила эпидемия массового мошенничества. И это, пожалуй, самое безобидное из всего, что происходит в обществе.

Можно привести причины, порождающие эти угрозы: рост экономического неравенства людей, социальные и национальные противоречия, несовершенство законов, слабость правоохранительной системы, неэффективность администрации, массовая коррупция чиновников, разрушение прежних ценностных идеалов людей и несформированность новых и т.п. Все эти доводы абсолютно верны, но за этим видится одна общая причина: отсутствие в стране условий, стимулов и культурных навыков для равного участия всех граждан в свободной социальной конкуренции на рынке труда и таланта. Это в свою очередь ведет к разочарованию существенной части населения в эффективности законных способов обретения социальных благ (материального достатка, престижного статуса, необходимых медицинских и реабилитационных услуг, уважения со стороны референтной группы и т.п.), к массовой маргинализации и криминализации людей, росту социального недовольства, носящего пока еще сравнительно неорганизованные формы, а в результате - к перечисленным выше угрозам национальной безопасности российского общества. На уровне теории хорошо известно, что честно работать в конечном счете выгодней и безопасней, чем воровать, но реальная практика нашей жизни пока этой теории не подтверждает. Государство еще не создало для граждан условий, при которых честная работа и легализация своих доходов были бы более надежным способом социальной самореализации индивида.

Проблема не в том, что страной плохо управляют (можно спросить: а когда Россией управляли хорошо?), а в том, что люди лишены стимулов к честной социальной конкуренции законными способами, и власти почти ничего не делают для воспитания в

Флиер Андрей Яковлевич - доктор философских наук, культуролог.

населении склонности к такого рода открытому соревнованию по общепринятым и гласным правилам. Ведь основа гражданского правового общества - не рыночная экономика и демократические формы правления как таковые, а именно склонность к честной конкуренции свободных личностей, где более энергичный, трудолюбивый, способный и профессионально подготовленный человек естественным образом имеет больше шансов опередить конкурентов и заработать больший объем социальных благ. Это и является основой социальной культуры современного общества, и там, где подобная культура выше, существенно ниже уровень внутренних угроз национальной безопасности.

Как известно, все люди разные. Одни рождаются от природы более талантливыми, с повышенными энергетикой и активностью, с лучшим физическим и психическим здоровьем и интеллектуальными способностями, другие в большей или меньшей степени обделены какими-то из этих возможностей; кого-то воспитывают с детства трудолюбивыми и инициативными, иных приучают "не высовываться" и "знать свое место"; некоторые сохраняют "жизненный азарт" до конца своих дней, часть из них по ходу жизни утрачивает или не реализует врожденные задатки, теряет здоровье, энергию, уверенность в себе. Люди по-разному усваивают одни и те же знания и навыки, по-разному интерпретируют один и тот же социальный опыт и, главное, по-разному применяют его в своей жизненной практике.

Все это тем или иным образом оказывает воздействие, а порой и решающее влияние на уровень фактической социальной конкурентоспособности каждого человека. Одновременно следует подчеркнуть, что высокая конкурентоспособность не обязательно означает пробивание в "звезды" в каких-либо престижных областях деятельности. Наипервейшим признаком достаточной конкурентоспособности, как представляется, служит сам факт высокой профессиональной устойчивости индивида в любой деятельностной нише любого уровня, а формальным критерием - профессиональное признание и уважение со стороны коллег. Разумеется, это не гарантирует такого профессионала от потери работы или сложностей с поиском другого места; но и в том и в другом случае он находится в более безопасной и выигрышной ситуации, нежели явный непрофессионал.

Впрочем, речь идет о *социальной* конкурентоспособности, которая помимо профессиональной устойчивости и способности к повышению квалификации включает также и социальную мобильность личности: ее обучаемость, восприимчивость к новациям, способность к перемене профессиональной сферы деятельности, переход в более престижную и доходную область труда, повышение социального статуса, уровня образования и т.п. Социальная конкурентоспособность вовсе не обязательно проявляется в высоконравственных акциях. Например, морально осуждаемый "брак по расчету" может быть оценен как одно из проявлений пусть мало нравственной, но вполне реальной социальной конкурентоспособности человека, его стремления "выкрутиться" из неудовлетворяющей его жизненной ситуации. Или карьеризм, суть которого не столько в нездоровом честолюбии и нечестных способах достижения высоких служебных должностей, сколько в нравственной позиции человека, работающего только на свои личные интересы и более или менее индифферентно относящегося к интересам дела, фирмы и пр. Карьеристы, как правило, весьма социально конкурентоспособные люди. Однако идеальный образец конкурентоспособного человека - это творческая личность, выдающая новационные идеи, технологии, продукты, произведения.

Эти люди далеко не всегда хорошо социально обустроены, но уровень их личностной самореализованности и признание со стороны значимой для них части коллег дают им самоощущение пребывания "вне конкуренции" (что нередко служит вполне объективной самооценкой, хотя обычно и не отмеченной адекватным "социальным вознаграждением"). Но это почти литературный идеал. Абсолютное большинство людей вполне социально конкурентоспособны, не будучи гениальными творцами, а просто *хорошо делая* то, что они делают. Как правило, общество не

требует от них чего-то большего, чем просто добросовестное исполнение своей социальной роли.

Когда же речь заходит о людях неконкурентоспособных, то здесь не имеются в виду люди, утратившие эту способность по объективным причинам (здоровье, возраст, травма, положение беженца), которые должны быть объектами государственного или общественного патронажа в масштабах, способных обеспечить им достойное существование, как это принято во всех цивилизованных странах. Но мы хорошо знаем, что только этой категорией перечень неконкурентоспособных людей в обществе не исчерпывается. Значительный слой составляют так называемые социальные маргиналы, те, кто по различным "благоприобретенным" (т.е. социальным, а не медико-биологическим) причинам (особенностям воспитания, неблагоприятным условиям жизни в детском возрасте, отсутствию профессионального, а порой и общего образования, влиянию антисоциальной среды, общей лени, распущенности и т.п.) не испытывают особой тяги к адекватному общественным нормам образу жизни и стремятся к обретению тех или иных социальных благ различными общественно не одобряемыми способами (криминалом, попрошайничеством и пр.).

Обычно (хотя и не обязательно) существенную часть подобных социальных маргиналов составляют внешние (из других стран) или внутренние (из сельской местности или национальных анклавов) мигранты, скапливающиеся в крупных городах. Низкая приспособленность к жизни в новой для них национальной или социальной среде, в новых культурных "гипертекстах", отсутствие знаний и навыков для получения сколь-либо престижной работы в условиях мегаполисов, иные социокультурные стереотипы поведения, а нередко и язык общения, раздражающие местное население, делают этих людей социально неконкурентоспособными вдвойне. Х. Ортега-и-Гассет когда-то назвал их "внешним пролетариатом" в отличие от "коренного", более адаптированного к местным условиям [1]. Когда подобного "внешнего пролетариата" очень много и когда условия его жизни становятся невыносимыми, в его среде может вспыхнуть стихийный или искусственно спровоцированный бунт, вплоть до попыток захвата политической власти в стране, что принято называть "социальной революцией".

Историкам еще предстоит разобраться в том, какие социальные силы совершали социальные революции Нового и Новейшего времени во Франции, в России, в Китае и т.п. или были их "ударным отрядом"; из какой среды рекрутировались фашисты Муссолини, штурмовики Гитлера, чекисты Дзержинского. Я разделяю распространенную точку зрения: главной движущей силой всех этих событий, создавшей "критическую массу человеческого материала", сокрушившей все на своем пути и приведшей к власти своих ставленников (якобинцев, большевиков, нацистов), были не буржуазия или промышленный пролетариат, а именно социальные маргиналы [2]. Другое дело, что в каких-то случаях условия жизни этого слоя оказывались столь ужасны, что, возможно, захват политической власти оставался единственным способом их физического выживания. По существу, об этом и писал Ленин, характеризуя революционную ситуацию как положение, при котором "низы не могут жить по-старому" [3]. Вопрос лишь в том, кого иметь в виду под "низами". Для квалифицированного промышленного пролетариата, да еще в период активного индустриального роста это не очень убедительно. А для социальных маргиналов промышленный рост, требующий все более качественной рабочей силы, ускоренная урбанизация, война, приток все большего числа таких же неконкурентоспособных переселенцев из деревень (конкурентов за милостыней) и т.п. существенно ухудшали жизненные условия.

Более того, позволю себе высказать достаточно смелое предположение, что тоталитарные режимы любого типа - это и есть *политические диктатуры социальных маргиналов*, под какими бы лозунгами они ни выступали (социальной справедливости или национального достоинства). Это "сословие", не имея шансов законным путем получить доступ к желаемому количеству и качеству социальных благ, в кризисной для

общества ситуации захватывает политическую власть и методом массовых репрессий (или под угрозой таковых) эксплуатирует труд конкурентоспособной части населения, омой перераспределяя в свою пользу существенную часть произведенного национального богатства (это и есть идеальная форма трансформации власти в собственность).

В истории что-то не припоминается случаев ужасной тоталитарной диктатуры со стороны буржуазии или интеллигенции. Авторитарные режимы (по типу бонапартистского) бывали, но по методам правления и масштабам подавления гражданских свобод это далеко не то же самое, что кровавая вакханалия якобинцев, большевиков или нацистов. И вполне понятно почему. Социально конкурентоспособным сословиям нет нужды устанавливать диктатуру; они могут обрести желаемые блага сравнительно легитимно, без насилия, в условиях свободного, гарантированного законом соревнования. А вот маргиналам успех на рынке труда и таланта, творческой инициативы и профессионального умения явно не светит. Их формы борьбы за социальные блага - преступность и революция.

Я не касаюсь здесь вопросов формирования маргинальных элит и выдвижения "преступных гениев" из их среды. Разумеется, среди неконкурентоспособных людей есть и свои "гении" социальной фрустрации. Это, как и проблемы маргинальной идеологии, должно быть предметом отдельного анализа. Но следует отметить, что социальная маргинальность выражается не только в неспособности к материальному обогащению и обретению престижного общественного статуса законными способами, но и в определенной социокультурной позиции презрения к интеллектуальному и духовно-нравственному началу в человеке, к исторически сложившимся нормам общественного бытия и социального поведения, к образованности и эрудированности и т.п. Собственное невежество среди людей этого слоя превращается в предмет особой гордости (куража). "Мы университетов не кончали", - любил говаривать один советский киногерой (эти слова нередко приписывают Сталину) и очень гордился этим фактом. Пример Геринга, «хватавшего за пистолет при слове "культура"», столь же показателен.

Разумеется, и среди маргиналов есть специфическая культура "социального андеграунда" (в отличие от художественного андеграунда, являющегося лишь более или менее изощренной формой протеста). Ее характерные образцы: "воровской закон", тюремно-лагерные нравы, "блатной" жаргон, символика наколок и т.п. Это не какая-то "контркультура" (термин в научном плане вообще сомнительный), а самая настоящая субкультура определенного социального слоя со всеми присущими любой, даже самой "благородной" субкультуре нормами, правилами употребления, символами, семантикой, герменевтикой и пр. Следует отметить, что по устойчивости традиций, норм и образцов, бесперебойному социальному воспроизводству, нормативной жесткости и одновременно пластичности, адаптированности к меняющимся условиям существования и т.п. криминальная субкультура (включая и такие ответвления, как субкультуры бомжей, гадалок, мелких мошенников, поездных попрошайек и др.) давно уже стала одним из наиболее стабильных социокультурных явлений в России.

Из этого вовсе не следует, что маргиналов нужно физически уничтожать или изолировать. Не говоря уже о сомнительной гуманности такого решения, это просто физически невозможно сделать. Маргинальный слой непременно будет воспроизводиться за счет детей с физическими и тем более психическими недостатками. Невозможно полностью подавить и миграцию населения, переезды людей из деревни в город, из страны в страну. При советской власти, как известно, партийная политика одно время была направлена на подавление стихийной мобильности населения, но из этого ничего не вышло. И наконец, любой человек должен обладать правом на возможность своей социальной адаптации, иметь шанс на самореализацию в разрешенных законом формах. В конечном счете описанная социальная неконкурентоспособность (за исключением вынесенных за скобки медицинских и возрастных показателей) является результатом недостаточной социализации части людей в период

их детского и подросткового воспитания и образования, а также социальной неадаптированности (или форм адаптированности, не отвечающих общественным интересам) во взрослом состоянии.

Комплекс мер по организации такого рода социальной адаптации и реабилитации принято называть социальной политикой государства. Обычно она включает программы по расширению числа рабочих мест, созданию специальных сфер занятости для людей с ограниченными возможностями, системы профессионального обучения, переориентации и повышения квалификации, материальную поддержку лиц, объективно нетрудоспособных или временно потерявших работу, и т.п. В последние годы получила развитие и психологическая реабилитация лиц, испытавших экстремальные психологические перегрузки (войны, катастрофы, стихийные бедствия). Глобальный социально-политический смысл всех этих мер заключается в искусственном сдерживании процессов маргинализации людей, не конкурентоспособных по социальным причинам, "вытягиванию" из маргинальной или околomarгинальной среды тех, кто еще не утратил нравственной потребности в обретении полной или хотя бы частичной социальной адекватности. Это входит в систему комплекса мероприятий по "социализации личности", т.е. вовлечения человека в цепочки социального взаимодействия (и в первую очередь трудового), активизации его жизнедеятельности в приемлемых для общества формах, приучении его к нормам и стандартам образа жизни, принятого в данном обществе, и т.п. Это особенно актуально по отношению к молодежи. В принципе процессы социализации личности охватывают весь комплекс мер по включению человека в систему общественного разделения труда и общепринятый образ жизни.

Но, как показывает опыт, одной социализации личности недостаточно. Жизнь человека состоит не только из удовлетворения его утилитарных потребностей, но и из увлечения идеями и знаниями, веры, национальных и классовых чувств. Жизнь регулируется этическими и эстетическими предпочтениями, эмоциями, стремлением к самоутверждению, престижному статусу, потребностью в любви, одобрении и признании со стороны других людей, ощущением своей солидарности с ними, чувством защищенности своей общностью с другими и т.п. Все это принято называть "ценностными ориентациями" человека (здесь перечислены только ценности сугубо социальные, хотя у человека может быть и множество интересов, не имеющих непосредственной социальной обусловленности). Эти ценностные установки в дополнение к образу жизни человека формируют и его картину мира - комплекс отчасти рациональных (основанных на достоверном знании), но в значительной мере и интуитивных (ментальных, образных, эмоциональных, информационно-фрагментарных и др.) представлений и ощущений о сущности жизни и коллективного бытия людей, закономерностях и нормах этого бытия, ценностной иерархии его составляющих. На этом уровне экстраутилитарных интересов и потребностей личности основным регулятором ее социальной адекватности становится культура.

Под культурой современное научное знание понимает ценностно-смысловое, нормативно-регулятивное и символично-информационное содержание любой сферы общественно значимой деятельности людей [4]. Именно с этой точки зрения обретают смысл понятия "экономическая культура", "политическая культура", "культура труда" и т.п. Ибо в отличие, скажем, от "политических технологий", преследующих цель повышения утилитарной эффективности политической деятельности, "политическая культура" выбирает из всего множества возможных технологий (способов и средств) достижения поставленных целей только те, которые являются общественно приемлемыми по социальной цене и последствиям. То же самое можно сказать и о любой иной "культуре сферы деятельности", причем, как и о культуре обыденной жизни людей. Одна из важнейших социальных функций культуры - историческая селекция, отбор приемлемых форм и технологий осуществления деятельности и взаимодействия людей, выбираемых не только по признакам их утилитарной эффективности, но и по критериям социальной допустимости.

Я намеренно не затрагиваю здесь вопросов морали, нравственности, духовности, идеологии, патриотизма, эстетических категорий и т.п. Это лишь технические средства, с помощью которых действует механизм культурного отбора, закрепления в практике и памяти людей и трансляции следующим поколениям социально приемлемых форм и способов человеческой жизнедеятельности. Этот же механизм работает и в направлении локализации и социальной изоляции (отторжения, изгнания, вытеснения "на обочину", т.е. в маргинальное поле в дословном переводе) лиц, не желающих соблюдать соответствующие нормы.

Культура в качестве нормативного явления, как это ни парадоксально, служит во многом психологическим аналогом правоохранительных органов, только действующим методом не силового, а нравственного одобрения и поддержки или осуждения и отторжения нарушителей. Это внутренний "страж порядка" в психологическом строе каждого человека, и чем строже и бескомпромисснее он исполняет свои обязанности, тем *высококультурней* (в рамках норм своей этнической и сословной культуры) проявляет себя индивид. Но этот "страж порядка" не возникает автоматически с появлением на свет нового человека. Культура не передается от родителей генетически, а приобретается по ходу жизни. Общество должно взрастить ее в каждом человеке, познакомить его со всем сводом норм и порядков, с "правилами игры" социокультурного бытия, четко очертить границы, за которыми кончается "нормальное" социокультурное поле и начинается поле маргинальное.

Таким образом, для преодоления опасных тенденций массовой маргинализации населения требуется не только деятельностная социализация людей, но и их инкультурация, т.е. введение человека в систему принятых в обществе культурных норм социального общежития и взаимодействия, иерархию ценностей, степеней допустимости тех или иных суждений и поступков и т.п., а также стимулирование в человеке мотивации к соблюдению этих норм, демонстрация и доказательство того, что, соблюдая нормы, человек имеет больше шансов достичь желаемого, нежели их нарушая. Этому в конечном счете и служат (с точки зрения их социальных функций) философия, религия, искусство, образование, воспитание, мораль, обычаи, ритуалы и пр. Все они так или иначе обучают человека тому, как следует, а как не следует поступать, говорить и думать, живя в обществе совместно с другими людьми и не желая эту общность разрушить.

По-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются *культурными*, а число нарушителей сравнительно невелико. Когда же число нарушителей начинает превосходить некоторый процент допустимого, такое общество трудно назвать как культурным, так и безопасным. В этом смысле архаичные традиционалистские общества, конечно же, гораздо безопаснее, более предсказуемы в поведении большинства своих членов, нежели индустриальные и постиндустриальные, где процент маргинализованного населения гораздо выше и соответственно ниже допускаемые и общепринятые стандарты безопасности (по крайней мере личной безопасности граждан и их имущества).

Очевидно, в современном государстве невозможно обеспечить сколь-либо приемлемый уровень безопасности только усилиями правоохранительных органов. К решению этой задачи так или иначе должна быть привлечена вся политика государства, в том числе культурная, координирующая усилия всех институтов по социализации и инкультурации человека. Основная цель культурной политики - трансформация норм и стандартов социальной адекватности людей в образы и образцы социальной престижности; пропаганда норм социальной адекватности как наиболее престижных форм социального бытия, как кратчайшего и наиболее надежного пути к социальным благам и высокому общественному статусу.

Для реализации этих задач требуется объединение усилий всех отраслей культуры (в ее широком понимании): образования, искусства, религии, науки, средств массовой информации, книгоиздания, собственно культурных институтов - музеев, библиотек,

организованного досуга и т.п. в рамках единой государственной программы социокультурного саморазвития и самосохранения общества. Требуется и новая национально-государственная идеология, о которой много говорят с "подачи" президента, но которая вряд ли может быть "сочинена" кем-то по высочайшему указу; идеология "вымучивается" историческим социальным опытом сообщества. И хотя конкретную мысль высказывает конкретный мыслитель, выбор наиболее актуальной идеи и интеграция ее в массовое сознание происходят более или менее стихийно.

Так или иначе, но функция всякой национальной идеологии - быть основой для социального партнерства сограждан, для кристаллизации неких ценностных установок в общенациональном масштабе, в том числе в области безопасности. При этом идеология - не более чем концентрированное воплощение культуры правящей элиты, системы ее ценностей. Это позволяет сформулировать принцип культурного аспекта общественной безопасности: *чем меньше средств вкладывает правящая элита в культуру и образование сегодня, тем больше она должна будет вложить их в милицию, юстицию и пенитенциарную систему завтра.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. М., 1997.
2. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 26.
4. *Флиер А.Я.* Современная культурология: объект, предмет, структура // *Общественные науки и современность.* 1997. № 2.

А. Флиер. 1998